

В последующие дни принцессу Юнчунь по-прежнему часто вызывали во дворец к императрице. Порой там оказывалась и Цзиньшань, и каждый такой визит неизменно сопровождался наставлениями императрицы о предстоящем замужестве.

Уходя, принцесса всякий раз получала небольшие дары. Только теперь Цзиньшань поняла, что те скромные суммы, которые императрица жаловала принцессе при расставании, имели скорее символическое значение. Это было сродни тому, как родители дают уезжающему из дома ребенку немного денег или гостинцев — не столько ради ценности подарка, сколько ради проявления заботы. В императорском дворце такие жесты стали повседневным ритуалом, выражением внимания старшего к младшему, императрицы к принцессе.

В тот день Юнчунь снова приехала во дворец, но вскоре засобиравшись обратно. Цзиньшань знала: до свадьбы оставалось совсем немного, к тому же принцесса теперь жила в собственном доме за пределами дворца, а поскольку ее пригласила императрица, а не сам император, задерживаться надолго в Запретном городе ей не полагалось.

Время близилось к полудню, и Цзиньшань очень хотелось, чтобы ее милая младшая сестренка осталась пообедать вместе с ними в покоях императрицы.

— Сестренка, на улице сейчас, кажется, жарковато. Может, останешься пообедать, прежде чем отправиться домой?

Конечно, последнее слово оставалось за императрицей. Цзиньшань с надеждой посмотрела на госпожу Хэ:

— Матушка, что скажете?

Ее взгляд, полный искреннего ожидания, заставил императрицу на мгновение замереть. Прежняя Юнчань никогда не проявляла подобной теплоты к окружающим. Цзиньшань, смутившись под пристальным взглядом матери, подумала, что та не разрешит сестре остаться.

Она повернулась и взяла младшую сестру под руку, не скрывая своего огорчения. Юнчунь, втянув голову в округлые плечи, уже поднялась, собираясь откланяться.

Императрица, чей вид был необычайно мягким, перевела взгляд с одной дочери на другую, а затем снова посмотрела на Юнчунь:

— Юнчунь, раз уж твоя старшая сестра просит, оставайся. Пообедаешь и тогда отправишься во дворец.

Цзиньшань удивленно воскликнула:

— Ой...

Юнчунь в недоумении отозвалась:

— А?...

Обе были ошарашены. Цзиньшань, почувствовав прилив тепла к сердцу от такой покладистости императрицы, с улыбкой повернулась к сестре:

— Юнчунь, что бы ты хотела съесть?

— Я... — Юнчунь подняла глаза на Цзиньшань, которая с нетерпением ждала ответа. — Что любит старшая сестра, то и я буду.

Принцесса произнесла это с таким невинным видом, что Цзиньшань невольно поморщилась: она вдруг поняла, что ее младшая сестренка — та еще простушка.

В голове у Цзиньшань мелькнула озорная мысль:

— Я очень люблю утку.

Она помнила, что Юнчунь, как и она сама, терпеть не могла утиное мясо. Юнчунь тут же умолкла, поджав свои нежно-розовые губы, и на ее лице отразилась забавная внутренняя борьба. Цзиньшань едва сдерживала смех, наблюдая за тем, как сестренка разрывается между нелюбовью к этому блюду и желанием угодить старшей сестре.

Нужно ли соглашаться? Или все же отказаться?

Видя, как милое личико Юнчунь сморщилось от мучительных раздумий, Цзиньшань не выдержала и помахала рукой перед ее лицом. Юнчунь вздрогнула и тихо позвала:

— Старшая сестра...

Не дожидаясь ответа, она добавила чуть слышно:

— Я тоже люблю утку.

Хотя слова были сказаны, выражение ее лица выдавало все с потрохами. Цзиньшань чуть не прыснула со смеху, а императрица рядом тоже довольно улыbnулась.

И улыбалась она вовсе не потому, что старшая дочь подшучивала над младшей, а потому, что была счастлива видеть, как ее старшая дочь перестала увядать, и как она... начала меняться.

<http://bllate.org/book/19590/1921570>